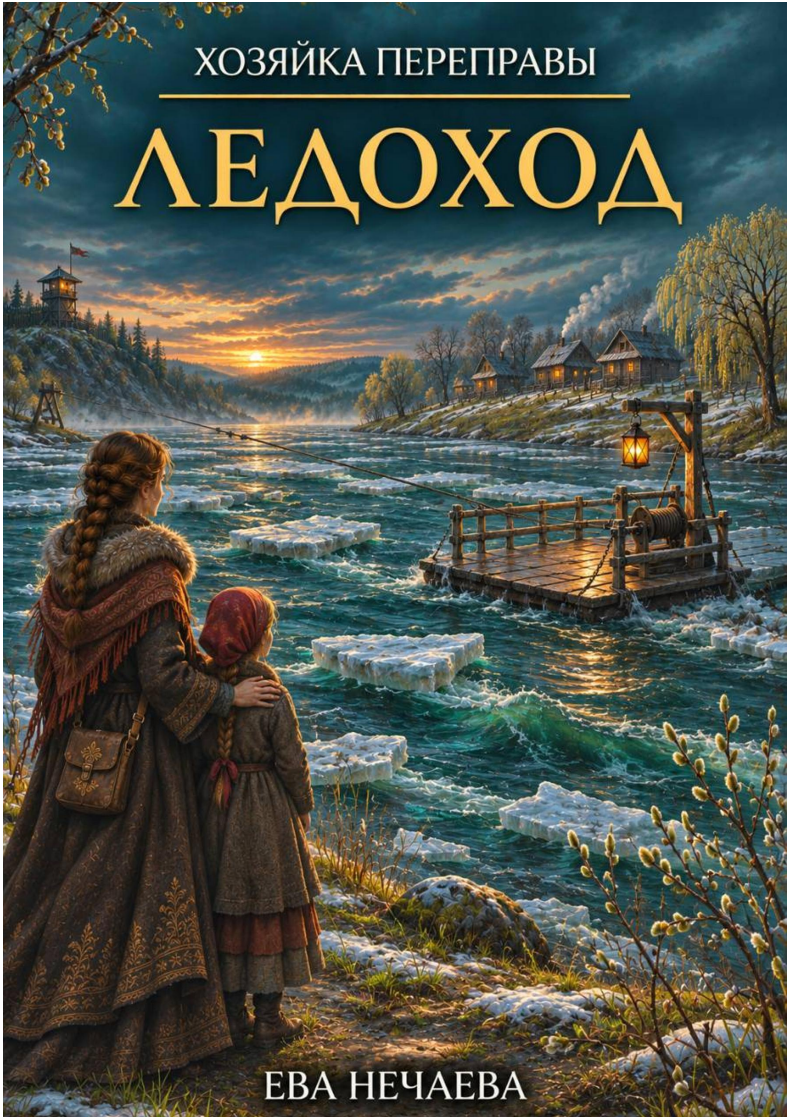
ХОЗЯЙКА ПЕРЕПРАВЫ

ЛЕДОХОД

ЕВА НЕЧАЕВА

Ева Нечаева

Хозяйка переправы. Ледоход

https://litres.ru/74815664
SelfPub; 2026

Аннотация

Лёд на Ольхе тронулся, и живой паром заговорил голосом женщины, которую считали погибшей. Ирма помнит свой дом и хочет услышать дочь. А Анна всё это время жила под её именем и стала для Варьки семьёй.

Пока вода подбирается к домам, обоим берегам снова нужна переправа. Но первый рейс под настоящим именем Анны может навсегда заглушить голос Ирмы. Варька хочет поговорить с матерью, Ян ждёт, пока Анна сама решит, кому открыть правду, а у затопленных дворов ждать уже некогда.

Чтобы вывезти людей, Анне придётся выйти к обоим берегам и ответить своим именем за всё, что она сделала, пока её звали Ирмой.

Содержание

Глава 1. Отдача 4
Глава 2. Чья память 10
Глава 3. Изнанка кармана 15
Глава 4. Чужое слово 20
Глава 5. Красные ворота 24
Глава 6. Расстояние 30
Глава 7. Нижегородская кухня 36
Глава 8. Верхняя Сторожка 41
Глава 9. Сухое место 46
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Ева Нечаева
Хозяйка переправы. Ледоход

Глава 1. Отдача

На первой воде мы с Варькой простояли до тех пор, пока Ян не спросил, не принести ли нам со двора лавку.

Я отняла руку от настила. Пальцы легли на ладонь неровно, мизинец зацепился за щепку. Варька ещё слушала. Я взяла её за локоть, и она прижала мою руку к своему боку, не отрывая другой ладони от дерева.

— Ян, отведите коня от воды.

Конь стоял у самой сходни и жевал конец привязи. Ян посмотрел на него, потом на меня. Обычно я сама отвязывала чужих коней, если они мешали.

— Подальше? — спросил он.

— За будку.

Он увёл коня. Я слышала, как тот ставит копыта на щебёнку, как цепляется подковой за порог. Потом Ян остался за будкой. Он мог уже вернуться, но не вернулся.

— Ты слышала то же, что я?

Варька кивнула.

Я хотела спросить, где жива Ирма. Из всех глупых вопросов этот оказался самым трудным: если бы девочка знала, она всё равно едва ли смогла бы объяснить мне теперь. Я разжала её пальцы на локте и опустилась на колени рядом.

— Ирма Григорьевна?

Дерево под нами сдвинулось. В проломе возле сходни выступила вода, на секунду покрыла лёд и ушла обратно. На ней плавала соломинка, зажатая в прошлом году меж досок. Она застряла опять, только уже у другой скобы.

— Ирма, вы меня слышите?

На том берегу хлопнула дверь. Потом Ефим крикнул откуда-то из-под пристани:

— Хоть одну ногу к суше поставьте обе!

Он вышел по нижним ступеням, держа короткий обрубок каната. Должно быть, срезал с крюка: на конце торчала ржавая проволока. Ефим поглядел на наши колени и бросил обрубок не нам, а за спину, к свае.

— Нижнюю сходню убрать надо. Её подпёрло. Ещё толчок, пойдёт вместе с паромом.

Мне нужно было, чтобы он сам забрал Варьку. Попросить его я не успела. Девочка встала и взялась за нижний конец сходни.

— За верхний, — сказал Ефим. — Я снизу.

Она переступила через канат и перехватила доску. Ефим подсунул под неё плечо. Сходня поднялась, девочка попятилась на камень, а паром подо мной отошёл от берега ровно

настолько, чтобы показать тёмную изнанку досок. Я успела перескочить. Полушубок зацепился за гвоздь, и Ефим вытянул меня за рукав, дёрнув с такой злостью, что гвоздь вышел вместе с клочком шерсти.

— Лодке тут тоже стоять нельзя, — сказала я.

— А я уж думал, вы про лёд забыли.

Подход со стороны трактира оставался сухим. Я отправила Варьку к Глафире с запиской, чтобы та предупредила возчиков, а Ефиму помогла отнести сходню к будке. Он расспрашивать не стал, только попросил потом подать ему новую скобу. Я долго перебирала ящик с железом. Мне попался кривой гвоздь, зацепивший мой рукав. Ефим его выпрямил и забил обратно в доску, глубже прежнего.

Ян сидел у коновязи, на пустой кормушке. Конь успел распустить узел и теперь стоял рядом с ним без привязи. Когда я подошла, Ян отодвинулся, чтобы мне хватило места.

— Я слышала Ирмино имя, — сказала я. — И Варька слышала. Паром сказал, что Ирма Григорьевна жива.

Я ждала, что он спросит, откуда тогда взялась я. Когда-то он задал бы именно этот вопрос, ещё до того, как я закончила фразу.

— Варька поняла, что услышала?

— Я не знаю. Она кивнула, но это не ответ на ваш вопрос.

Конь просунул голову между нами. Ян придержал его за недоуздок. Лошадь тут же потянулась к его карману, где он носил ломкие кусочки сушёной свёклы.

— Что вы хотите делать? — спросил он.

— До вечера ничего ей не объяснять. Вечером спрошу, о чём она сама хочет поговорить.

Он отломил свёклу пополам. Одну половину отдал коню, вторую убрал обратно. Я сидела на кормушке и видела, как у него под ногтем проступает красное пятнышко. Дома на печке у меня стояла тарелка на троих. Варька поставила её после того, как я позвала Яна ужинать, и каждый день проверяла, что ложки лежат на прежнем месте.

— Если будете у нас вечером, не уходите, когда мы начнём говорить, — попросила я.

— Останусь, если Варвара скажет, что можно.

К пристани подкатили сани с двумя ящиками. Возчик, кажется, ещё утром собирался дорогу не открывать, а только осмотреть. Теперь погнал лошадь к самому спуску. На полозьях висели клочья дёрна.

— Ирма Григорьевна, у меня соль на той стороне оплачена. Распишитесь, что не могу доставить.

Он протянул лист. За соль заплатили за три дня до закрытия ледовой дороги, срок доставки стоял завтрашний. Под ним оставалось место для хозяйки. Почерк я узнала. Осенью сама отучила возчиков ставить товар на берегу без расписки. Теперь человек пришёл ко мне, потому что ему больше некуда было идти.

— Что будет без подписи?

— Возьмут из залога. Кобылу я на этот раз не закладывал,

только половину дома.

— Где вторая?

— У сестры. Поэтому ей и не сказал.

Он попытался улыбнуться. На шапке у него растаял снег и тёк за ухо. Я взяла лист и поискала глазами Луку. Писаря не было. Ставить имя Ирмы именно сейчас мне не хотелось, а возчик не имел никакого отношения к словам, которые я услышала на настиле.

— Расписку я дам. Сначала отвезите ящики от воды. Напишем, что зимний путь закрыт, паром не ходит и вы пришли в срок.

— И подпишетесь?

Ян взял у возчика вожжи.

— Вы пришли в срок. Это видел и я. Подпишу как свидетель.

Он не посмотрел на меня, пока говорил. Возчик спустился на землю. Вместе они развернули сани, и я пошла искать место, где можно было положить лист. На оглобле не годилось: ещё один толчок, и она вся будет в воде. Я приняла бумагу у человека, который пришёл к Ирме Григорьевне, и оставила строку для её подписи пустой.

Снизу позвал Ефим. Вода подошла к мерной зарубке. Варька уже стояла на крыльце трактира. Бегом возвращаться не стала. Она сперва дождалась, пока последняя подгорская телега свернёт с дороги, и тогда пошла ко мне. Под мышкой у неё была дощечка.

На одной стороне она отметила, до какого места поднялась вода. На другой, там, где оставалось место для двух строк, написала: «ОНА ТЕБЯ ТОЖЕ СЛЫШИТ?»

Мне нечего было ей ответить. Я попросила дать мне мел и под её вопросом написала: «ДАВАЙ СПРОСИМ ВМЕСТЕ».

Глава 2. Чья память

К вечеру Варька вымыла три ложки и спрятала четвёртую под полотенце.

Я видела, как она это сделала. Ложка была маленькая, с вытертым узором на ручке. Я держала её отдельно от остальных, потому что однажды нашла в козьем сене и отмывала так долго, что потом не могла на неё смотреть.

Ян пришёл без фонаря. Постучал в раму, дождался Варьку и только тогда отворил дверь. На крыльце он снял сапоги и поставил их носами к стене, чтобы вода стекала в щель. Варька отодвинула один, освобождая место у порога.

— Вы просили остаться, — сказал он мне.

Я подала ему миску. Говорить про Ирму, пока у нас в печи доходила картошка, оказалось труднее, чем у парома. За столом оказалось хорошо видно, что у нас своё место у каждого. Моё было там, где Ирма годами сидела до меня.

Под мышкой Ян держал свёрток. Вынул из него лист возчика и баночку с чернилами. Оба успели сходить до Луки. Внизу, под его подписью, оставалась ещё одна пустая строка.

— Он просил вас больше не тревожить, — сказал Ян. — С двумя свидетелями бумагу примут. Её надо только высушить.

Я освободила место на полке у печи. Лист загибался, и Варька принесла два камешка, которыми обычно прижимала

выкройки. Один лёг аккуратно на край. Второй она поставила поперёк места для имени хозяйки.

— Ты хочешь, чтобы там ещё кто-то расписался? — спросила я.

Она провела пальцем по краю бумаги. Я сняла камень, чтобы ей удобнее было показать, и тут поняла, что ждала ответа, которого она вовсе не собиралась давать.

Варька забрала оба камня, пошла к сундуку и положила их у гребня. От печи потянуло картофельной кожурой. Ян привстал, собираясь пойти за ней, но я придержала его за рукав. Через минуту она вернулась за миской. Лист высох без камней, только загнулся кверху тем самым пустым углом.

Варька положила перед нами дощечку. На ней был один вопрос, занятный своей деловитостью: «КАК УЗНАТЬ?»

— Спросить о том, чего я знать не могу, — сказала я.

Она перевернула дощечку. Там уже стояло: «ЛОЖКА».

Я засмеялась, и от этого Варька прижала дощечку к животу. Пришлось объяснить, что я смеюсь оттого, что пришла к тому же выводу, а она успела ещё и выбрать вопрос.

— Чья ложка? — спросил Ян.

Варька ткнула пальцем в потолок. Над нами никого не было, но на верхней полке стояли вещи, которые я не трогала без неё: гребень, свёрнутый передник и облупленная чашка с поломанным ушком.

— Ирмы, — сказала я.

Варька покачала головой.

— Твоя?

Она опять покачала головой. Ложку из-под полотенца взяла и показала нам черенок. Снизу в тёмном дереве белели две пересекающиеся царапины.

Ян не торопил её. Он собрал корки со стола, отнёс к двери, привалил дверь коленом, когда снаружи поскреблась Принцесса. У него хватало дел на время, нужное Варьке, чтобы написать.

«КТО ВЫРЕЗАЛ?»

Я знала про сено и знала про царапины. Вырезать ложку мог Григорий. Он часто вырезал что-нибудь, когда ждал грузчиков. Мог и Ефим, но он делал ручки толще. Я постаралась больше ни о ком не думать, что, разумеется, сразу привело мне на ум половину Подгорья.

До темноты оставалось с четверть часа. Мы выложили картошку на тарелку, прикрыли другой и пошли к пристани.

Ефим перенёс мерную рейку на верхнюю сваю. Я прочитала чёрточку в свете окна и попросила Яна постоять на берегу. Если голоса не будет, ему незачем рисковать. Если будет, мне нужен человек, который потом скажет, что услышал со сходни.

С воды тянуло прошлогодним сеном. Варька протянула ложку, но ладонь к дереву приложила сама.

— Кто вырезал ложку? — спросила я.

Под настилом прошла тупая отдача. Где-то на другом конце парома отозвалось железо.

— Григорий, — сказала я прежде, чем поняла, что это мой голос.

Варька посмотрела на меня. Я слышала слово достаточно ясно, чтобы его повторить. Она услышала меня и, может быть, больше никого.

— Нет, — сказала она.

Губы у неё ещё оставались приоткрытыми, а я уже хотела ответить, что паром мог ошибиться. Потом посмотрела на ложку и решила сначала узнать, кто ошибся на самом деле.

Варька взяла мел. Я заслонила дощечку от ветра полой полушубка.

«Я САМА. ОН ДОДЕЛАЛ».

Она провела ногтем по царапине. Это оказался крестик, который Григорий ей когда-то показал, чтобы она могла отличать свою работу от его. Я вспомнила, что сама только что перебрала в уме и Григория, и Ефима. Что бы там ни прозвучало, вопрос я успела испортить собственными догадками.

На берегу Ян спросил, всё ли у нас хорошо.

— Вы слышали имя?

— Ваш голос слышал. Другого не разобрал.

Я сунула ложку Варьке в карман. Она не дала мне убрать руку: поймала меня за два пальца и потянула к дому. До дому мы шли так: она держала меня за два пальца, а я старалась ступать с ней в ногу.

Когда мы сели ужинать, картошка успела остыть. Варька подала четвёртую ложку мне. Узор на ручке был вытерт там,

где маленький палец ложился на дерево. Я держала её иначе и только теперь заметила почему.

— Следующего вопроса я знать не буду, — сказала я. — Приду с тобой, но спрашивать будешь ты.

Варька взяла дощечку. Несколько раз подносила к ней мел, потом убрала его и выговорила, с усилием отделив первый слог от второго:

— Завтра.

Ян подвинул к ней масло. Мы доели картошку и разошлись готовиться ко сну. На ночь Варька сама вынесла дощечку из моей комнаты.

Глава 3. Изнанка кармана

Наутро Варька велела мне подождать у двери, пока она собиралась на пристань. Сначала оттуда донеслось шуршание, потом грохот крышки. Я сунула голову в комнату и увидела, что она стоит перед Ирминым сундуком босиком, держа в каждой руке по валенку.

— Я могу выйти во двор, если тебе надо побыть одной.

Варька поставила валенки рядом. На голенище правого белела ровная штопка, на левом серела моя. Мою можно было отличить и в темноте: нитка цеплялась за подол.

«САМА», — написала она.

Я вышла. На крыльце села завязывать шнурок на сапоге, хотя он был уже завязан. У соседей женщина стряхивала с одеяла хлебные крошки. Вниз по улице пробежали два мальчишки с пустым ведром. Из дому не было слышно ничего, и мне пришлось прождать довольно долго, чтобы перестать принимать эту тишину на свой счёт.

Варька вышла с толстой рукавицей в руке. Другую, из той же пары, я осенью использовала как прихватку и прожгла над самой кромкой. Эту девочка спрятала за пазуху и подала мне локоть, чтобы я встала.

На берегу Ефим забивал клин в расшатанную сваю. Я показала на паром. Он остановился, послушал воду и уложил поперёк сходни длинную жердь.

— До жерди можно. Дальше ваша рука, госпожа хозяйка, и больше ничего.

Я осталась с ним. Варька встала на крайнюю доску, вынула рукавицу и загнула край. На изнанке краснела заплата размером с ноготь. Девочка положила рукавицу на настил и села рядом. Я видела её ухо под платком, но лица не видела. Так она и хотела.

У Ефима выпал клин. Он полез искать его между камнями, и я нагнулась помочь. Снизу было видно, как под настилом гуляют мелкие куски льда. Каждый прибивало к одной и той же доске, а затем вода утягивала его обратно.

— Где? — спросила Варька.

Она спрашивала тихо. За время, пока Ефим щупал гальку, я успела подумать о печи, сундуке, чердаке и о том, как трудно сидеть рядом с человеком, чьё молчание от тебя не зависит.

Варька поднялась. Рукавицу она забрала, прошла мимо меня и направилась к дому.

— Получилось?

Девочка остановилась.

«КАРМАН», — показала она на дощечке.

Дома она отперла сундук, достала маленькое платье из синей шерсти и разложила на столе. Платье было на ребёнка лет пяти. На груди виднелись две выцветшие полосы, где раньше лежали лямки передника. Карманов я не увидела.

Варька вывернула юбку. На боку был пришит мешочек.

Его нижний угол отличался по цвету от остального платья, как будто на него когда-то попала капля масла. Варька взяла иглу и расшатала первый стежок. Дальше я помогла: она ещё не умела распарывать ткань, не прокалывая пальцы.

В мешочке лежали три пуговицы, обёрнутые в бумагу. Две деревянные, одна жестяная. На жестяной осталась нитка.

— Ты знала про это платье?

Варька кивнула.

— Про мешочек?

Она покачала головой. Потом перевернула бумагу.

На той стороне стояла дата, ещё до Соляного торга, который случился за три весны до моего появления. Ниже Григорий крупными буквами написал: «С ВАРЬКИНОЙ РУКАВИЦЫ. ПРОСИТ НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ». Удивительно было не то, что мужчина сохранил пуговицу. Удивительно было, что я прожила в его доме столько месяцев и ни разу не подумала спросить, о чём он договаривался с собственной дочерью.

Я хотела потрогать нитку. Варька прикрыла пуговицы ладонью. Я убрала руку.

— Что она сказала?

Варька долго писала. Стирала рукавом и опять писала. Наконец подвинула ко мне дощечку.

«В КАРМАНЕ. Я ПРИШИЛА С ИЗНАНКИ, ЧТОБЫ ТЫ НЕ НАШЛА ДО ПРАЗДНИКА».

Я перечитала дважды. Слово «пришила» стояло поперёк

древесных волокон. Варька сильно нажала на мел, и от буквы Ш отломился уголок.

— Ты её узнала?

Она закрыла пуговицы в кулаке. Потом написала на свободном месте:

«ТЕБЯ ОНА СЛЫШАЛА ВЧЕРА. ТЫ ОТВЕТИЛА САМА».

Я села. Всё это время мне казалось, что есть два голоса и надо только определить, какой настоящий. С такой задачей можно было управиться, если долго возиться с настилом. Гораздо хуже было вспомнить, что вчера, когда я назвала Григория, кто-то мог ждать, пока я договорю.

В дверях стукнуло. Ян ещё на крыльце предупредил, что принёс хлеб, и спросил, куда его положить. Варька успела свернуть платье, взять пуговицы и убрать всё в сундук.

Я сказала, чтобы он положил хлеб на стол.

Поворачивая ключ, Варька ещё раз посмотрела в мою сторону.

«Я ЕЙ ПРО ТЕБЯ НЕ СКАЗАЛА», — написала она.

Сперва я почувствовала облегчение. Потом мне стало стыдно.

— Скажешь, когда сама захочешь.

Ян вытащил хлеб из полотна, оставил его остывать и спросил, нужна ли ещё одна рука на пристани. Я не ответила. На столе возле сундука осталась тонкая синяя нитка. Сдуть её было легко, подобрать трудно. Я прижала её пальцем и по-

просила Яна отнести хлеб Ефиму. Оттуда он обычно возвращался только через час.

Он завернул хлеб обратно. Варька догнала его у двери и отломила маленький кусок себе. Пока она ела, я заново пришила распоротый угол кармана. Стежки пошли косо. Девочка показала, где держать ткань, потом отняла иглу, продела нитку с другой стороны и затянула один, только один стежок. Я положила платье рядом с пуговицами.

— Ты ей ещё что-нибудь спросить хочешь?

Варька кивнула сразу. Мне вдруг захотелось, чтобы она хотя бы немного подумала.

— Тогда выбери, когда пойдём. Сегодня вода уже подошла к нижней ступени. Завтра, если Ефим скажет, что можно.

Варька подняла иглу над столом, чтобы я видела, что она ещё не закончила. Я подвинула лампу. До возвращения Яна никто больше к сундуку не подходил.

Девочка закрыла сундук. Ключ она положила на стол. Отдавала его мне или просто освобождала руки, я так и не спросила.

Глава 4. Чужое слово

Я рассказала Яну о Нижнем Новгороде, пока он чинил задвижку на двери. Всё собиралась позвать его сесть. Потом поняла, что мне легче говорить, когда он смотрит на головку шурупа.

— Там я отвечала за машины. Если одна задерживалась, надо было найти другую, предупредить людей и решить, кто заплатит за простой. Работала за столом. Реку из окна не видела.

Ян проверил задвижку. С первого раза она упёрлась в косяк.

— Как называлась ваша работа?

— Диспетчер.

Однажды на зимней переправе я услышала это слово из-под настила и едва не полезла в воду. Здесь, в собственном доме, оно прозвучало глуповато. За стеной было хорошо слышно, как Варька мелко пилит ветку для козы.

Ян вынул один шуруп и поставил его на край подоконника.

— Я слышал это слово от вас раньше?

— Вам я его не говорила.

— А ей?

Сначала я решила, что он спрашивает про Варьку. Уже открыла рот, вспомнила, как Варька утром убрала платье, и

поняла.

— Ирме я вообще ничего про себя не говорила.

Ян положил отвёртку.

— Она знала, что оно значит?

— Произнесла так, как я произношу. Можно запомнить звук, если долго слышишь человека. Можно взять слово там, где он сам его помнит. Я пока не знаю, что хуже.

Он не ответил сразу. Поднял с пола щепку, приложил к щели, вынул снова. Я захотела, чтобы он подошёл, и при этом надеялась, что ему понадобится ещё несколько минут с этой дверью.

— Ваше имя, — сказал он наконец. — Вы хотите, чтобы я его знал полностью?

До этого дня мне казалось, что он когда-нибудь обойдёт вопрос с другой стороны. Позовёт меня к столу, положит передо мной казённую книгу и скажет, что для дела нужна фамилия. Вот тогда я могла бы возражать сколько угодно.

— Анна Сергеевна Верещагина.

Ян произнёс только фамилию, негромко, чтобы проверить, правильно ли услышал. Без титула, без смешной попытки сделать её здешней. Хорошо, что у него в руках ничего не было: он всё равно забыл бы, куда положил.

— Дальше? — спросил он.

— На сегодня всё.

Он кивнул. Я взяла его за кисть. На большом пальце у него осталось светлое пятно от щепки. Он ждал, пока я сама

устрою его руку так, как мне было удобно. Я подвела её к себе под локоть. Крепче заставила прижать уже после того, как он меня обнял.

Мы стояли возле двери, которую он так и не закончил. От его рубахи пахло дымом и сырой шерстью. Когда он наклонился, мне стало смешно оттого, что я могла бы сейчас спросить, нужна ли ему отвёртка. Смеяться я не стала. Подняла лицо и поцеловала его сама.

Задвижка выпала из ответной скобы. Я засмеялась уже по-настоящему, упёрлась лбом ему в грудь и услышала, что он тоже смеётся. Могла бы так простоять долго. Потом вспомнила, что дверь на ночь будет закрывать Варька.

— Сумеете закончить? — спросила я.

— Сумею. Вы только не стойте с той стороны, мне ещё надо примерить.

Я перешла к окну. На подоконнике лежал снятый шуруп и скрученная полоска бумаги. Я развернула её. Мы зимой мерили ею ладонь Варьки для рукавиц. Ян узнал бумажку и сказал, что мастер обещал сшить по ней новые к осени. Я спросила, когда он успел договориться. Он ответил: в тот вечер, когда мы пошли проверять фонари.

С крыльца постучали трижды.

Ян отложил задвижку. Вошёл Лука с тетрадью, у которой из-под обложки торчали мокрые углы листов.

— К соляному складу подступает вода, — сказал он. — Низовую калитку уже прижало. Если есть кому помочь, сей-

час.

Я потянулась за полушубком. Ян опередил меня, снял его с крюка и расправил рукав, чтобы мне не пришлось продевать руку в сбившуюся подкладку.

— Вы идите к складу, — сказал он. — Я зайду за Бурым и приведу людей с верхних дворов.

Лука заглянул в тетрадь, привычно отыскивая место для нового распоряжения.

— Госпожа Ирма, записывать, что склад велели открыть с вашего ведома?

Ян посмотрел на меня. Я знала, что он не ответит за меня, даже если я промолчу.

— Запишите, что калитку нужно открыть из-за воды, — сказала я. — Кто её откроет, пусть и расписывается.

Лука плотно закрыл тетрадь. Мы вышли. У подножия крыльца Варька собирала в фартук обрезки веток. Она выбрала одну, самую длинную, и протянула мне. По свежему срезу шла тонкая трещина.

Я забрала ветку. На обратном пути намеревалась поставить её в землю, чтобы было видно, где вода стояла в тот час. Когда мы вернулись к дому, место, куда я собиралась её воткнуть, уже было под водой.

Глава 5. Красные ворота

К соляному складу пустили с верхней улицы. Оттуда я видела крышу, торец и двух человек по колено в воде. Один стоял возле ворот и держал ключ пальцами за бородку. Пока я спускалась, он два раза уронил его. На третий раз ключ не нашёлся.

— У кого запасной?

— У Григория был, — сказал человек у ворот. — Большой такой, на красном ремне.

Я уже приготовилась ответить, что у меня дома ничего похожего нет. Лука опередил меня.

— Запасной кому сдавали после осенней описи?

Человек пожал плечами. Лука расстегнул тулуп. Вместо ключа вынул нож и начал срезать кожаные завязки на чехле тетради: там лежало прошлогоднее разрешение ломать запоры при пожаре. Пока он разворачивал лист, я догадалась обойти склад. Окно на сухой стороне было так низко, что я, стоя, едва смогла просунуть в него руку, зато высокий мальчишка, который шёл за нами со двора пекаря, просунул плечо и вслед за ним весь бок.

— Там темно! — донеслось изнутри.

— Подождём фонарь, — ответила я.

Сверху спустились Бурый с Яном. Они тащили два длинных бруса. Бурый увидел мальчишкины пятки и крикнул,

чтобы тот вылез. Мальчишка сперва вытянул на улицу руку. В ней блестел крюк.

— Ворота изнутри на крюке! Замок не нужен!

Бурый примолк. Ян приставил брус к стене ниже окна, чтобы мальчишка мог спуститься. Тот сунул крюк за пазуху и сказал, что теперь сам будет держать запор. Ему поручили совсем другое: сходить к пекарне за пустыми мешками. Он вернулся быстрее взрослых.

За воротами стояла кадка, в которой сторож разводил золу для мытья рук. Когда створку потянули снаружи, вода подхватила кадку и погнала вглубь склада. Сторож бросился за нею. Я решила, что ему жалко кадки, и крикнула, чтобы оставил. Он даже не оглянулся. Из-под опрокинутого дна торчали завязки: там плавал его кошель.

Сторож принёс его на локте, как больного петуха. Лука спросил, не помочь ли развязать. Мужчина положил кошель на брус и выворачивал карманы, пока не нашёл два промокших листка. На одном были записаны дни, когда он носил хозяину соль вместо денег. Второй весь слипся.

— Остальное можете себе взять, — сказал он Луке. — Это мне оставьте.

Лука взял у него бумажки, подложил под них пожарное разрешение и сунул все три листа под тулуп. Потом попросил меня прочитать последние слова на менее мокром листке. Я прочла: «За зиму». Писарь кивнул. До растопки у Глафиры нам ничего больше не узнать, зато сторож теперь знал,

что дату слышали двое.

Мужчина вытер ладони о штаны и первым полез к мешкам. Я придержала его за рукав.

— Ваш долг на сегодня кто-нибудь ещё может подтвердить?

— Коли не просохнет, никто. Хозяина третий месяц как похоронили. Сын его по книгам считает, сколько мы должны.

Он вовсе не был стар. Просто за те несколько минут, пока спасал кошель, успел представить, как ещё раз отрабатывает всю эту зиму.

Внутри нижние мешки с солью уже разбухали. Хозяева требовали выносить по их меткам. Метки были вышиты на верхушках и прекрасно различались, пока мешки стояли в один ряд. В куче, какую мы застали у стен, метки означали, что человек, выгребающий своё со дна, оставит под водой ещё пять чужих пудов.

— Сначала всё сухое наверх, — распорядилась я. — Кто потерял метку, ко мне.

— А вы чем вернёте?

Меня спросила женщина с короткими седыми косами. Она выткала на своих мешках по три жёлтые полосы и теперь видела одну из них у меня под ногами. Я могла бы пообещать возместить, чтобы она перестала держать меня за рукав. По её лицу было ясно, что после такого обещания она будет держать меня ещё крепче.

— Своего у меня на всех не хватит. Если захотите, вместе осмотрим верхний ряд. Без вас ваш мешок никому не отдадут.

Она отпустила рукав и забрала у ближайшего солдата доску.

Мы протянули брусья от ворот к насыпи. По одному брусу шли с мешками, по другому возвращались. По левую сторону бруса у меня вода уже доставала до колена. Справа она плескалась ниже: там берег держал короткий остаток старого настила. Я решила было поставить на него двух людей, чтобы подхватывали мешки. В тот же миг с реки раздалось:

— Правый не тронь.

Я остановилась. В воде у насыпи стоял Бурый, лицом к воротам. Слова были произнесены женским голосом. В прошлый раз я стояла на пароме и ждала ответа. Теперь от воды меня отделяли полузатопленный берег и два высоких столба. Я даже руки на брус не положила.

— Ян, вы слышали?

Он уже смотрел в ту же сторону.

— Последнее слово. Что трогать не велели?

Правый остаток настила тем временем повернулся на месте. Один край остался под водой, второй поднялся вместе с тремя досками. Под ним показался расколотый столбик. Бурый схватил за пояс солдата, который шагнул было туда, и потянул к себе. Доски перевернуло и унесло под дальнюю стену склада.

Бурый обернулся.

— Кто крикнул?

Я сказала, что не видела. Он посмотрел на меня с досадой, но искать было некогда. Над воротами занялся шорох: соляной мешок задел крюк, ткань пошла по шву. Мы с седой женщиной подставили её пустой мешок, успели поймать почти всё. Она завязала горловину своим пояском.

— Чужую соль пересыпать вместе нельзя, — сказала она.

— Придётся взвесить.

— Придётся. Запишите меня на весы первой.

Один мокрый мешок всё-таки удалось вынести целиком. Он лопнул уже на весах. Возчик подставил пустую кадку и сгрёб в неё содержимое обеими руками. Седая женщина с жёлтыми метками на мешках присела возле кадки. На рукаве у неё остались белые разводы.

— По сухому взвесите, сколько моих вышло?

— Взвесим. Дождёмся, пока просохнет.

Она попросила поставить кадку у пекаря. За работу и печь обещала отдать часть соли, лишь бы через два дня у неё осталось что-то на обмен. Кто-то из соседей возразил, что ту же печь придётся отдать под хлеб. Женщина уже собиралась предъявить мне моё обещание, а я всё никак не могла решить, кому уступить место. В конце концов Лука отвёл её и пекаря в сторонку. Через минуту они сами позвали мальчишку: тот должен был по дороге домой зайти к банщику, выяснить, горит ли у него печь.

Мне хотелось напомнить, что сегодняшнюю соль предложила спасать я. Я сдержалась и попросила записать на моё имя три разорванных мешка. Кто-то за них работал, и никто не соглашался, что сила воды даёт мне право не платить.

Когда последний сухой мешок вышел наверх, я нашла Варьку. Она ждала на насыпи с Ефимом. Видно было, что ей велели не спускаться и что она с огромным трудом исполнила это распоряжение. На дощечке у неё стояло: «ОТКУДА ТЫ СЛЫШАЛА?»

Я показала место у ворот. Она посмотрела оттуда на паром и вытянула руку, будто собиралась измерить расстояние пальцами. Потом опустила её.

Седая женщина шла к весам. Поравнялась с нами, подёргала за расстегнувшийся ворот моего полушубка и застегнула его.

— А той, другой, спасибо, — сказала она.

— Какой?

Она покосилась на Варьку и ответила не сразу:

— Которая у ворот нас окликнула. Я её не видела, так передайте сами.

Я посмотрела на реку. Между нами и пустым настилом шла весенняя вода. Никто из спасённых не стоял на пароме.

Глава 6. Расстояние

Всю ночь Глафира сушила в трактире соль. Утром мы пили чай из котла, в котором обычно варился холодец, и на губах оставалась соль даже после третьей кружки.

— Если вылечу горло, больше к лекарю не пойду, — объявил Бурый.

Лука сидел рядом, осторожно расправляя листы. Он записал, кто сколько сдал на просушку и при каких свидетелях. На полях обнаружился кривой рисунок затвора. Варька подошла, подержала палец над рисунком и передвинула лист так, чтобы свет из окна падал поперёк бумаги.

«СКАЖЕШЬ ПРИ НИХ?» — спросила она меня на дощечке.

Вопрос я прочла раньше, чем успела решить, что собираюсь делать.

— Про голос — да. Про то, чей он, не знаю сама.

Я рассказала им, когда услышала предупреждение у склада. Ян сказал, где стоял и какое слово разобрал. Седую женщину звали Акулиной. Бурый вышел к дверям и позвал её; она пришла в фартуке, за поясом торчала маленькая ложка для пробы рассола.

— «Не тронь», — сказала она. — Два слова. Какое перед ними, не расслышала. Может, мальчишка чей.

— Голос женский? — спросил Лука.

— Время было слушать? Лезете под доски, хорошо хоть брат рядом догадался за ремень схватить.

Лука хотел записать и это. Акулина забрала у него ложку, которой он прижимал хрупкий лист, объяснила, что ложка на самом деле её, и ушла. На её словах мы не могли строить ничего, кроме одного: предупреждение слышал ещё кто-то. Не я одна его выдумала.

Варька начертила на дощечке три кружка. Первый у сходни, второй у ворот склада, третий где-то между ними. Поставила рядом палочку и показала на меня.

— Место отметить? — спросила я.

Она покачала головой, подошла к двери и подняла палочку до уровня уха.

Ян сказал:

— Попробовать отойти и послушать.

Варька кивнула.

Мы вышли, пока вода не дошла до старой рыночной ограды. Ефим пустил нас на верхний край сходни, но сам встал так, чтобы его спину невозможно было обойти. Для опыта он выбрал слово, которого я не знала. Записал на бумаге своим почерком, сложил листок и отдал Варьке. Она прочла, подняла брови и спрятала бумагу в рукав.

Я осталась у сухой ступени. Ян отошёл сначала к воротам, потом поближе. Река шумела так, что через несколько шагов мне приходилось читать по его губам, когда он останавливался.

Варька наклонилась к доске и произнесла:

— Повтори.

От дерева один раз отдало пустым звуком. Потом тише, почти под самым водоплеском, кто-то сказал:

— Оглобля.

Ян поднял руку. Я шагнула к нему, но он показал, чтобы я оставалась на месте. Ефим сунул мне багор, который держал всё это время. Ян прислушивался, пока вода не накрыла первую ступень.

— Уловил конец слова, — сказал Ян. — Думал, Варвара повторила.

— Я не повторила, — сказала она.

Варька достала листок. В нём было написано: «оглобля».

У меня свело плечи. Чужой голос мог повторить то, что девочка сама произнесла у настила. Она и не скрывала, что поднесла к нему листок и сказала слово прежде, чем попросить повторить. Но до этого мы проверяли голоса по памяти. Теперь у нас было слово, которого мы с Яном не слышали от Варьки и которое всё-таки разобрали.

Мы решили повторить опыт. Теперь слово выбирал Ян. Он написал его на чистой стороне старого счёта и понёс Варьке, пока Ефим тащил меня от ступени к воротам. У склада в это время били железом о скобу. Когда я встала на нужное место, рабочие у стены решили, что им велели подождать, и перестали стучать.

Покуда мы ждали, вода подмочила нижний край счёта.

Ян показал его Варьке и отступил. Девочка произнесла слово один раз, тихо. Потом попросила повторить. Я слышала только её голос. Мы двинулись ближе и опять ничего не услышали.

— Какая разница, — сказал из-за ворот один из рабочих. — Мне сегодня туда можно?

Я только теперь поняла, что мы устроили опыт как раз там, где людям требовалось пройти за инструментами. Позвала Ефима. Он переставил жердь, вывел рабочих к посуху и велел Яну раскрыть счёт.

Тот показал: «стол».

— А вы что слышали? — спросил он меня.

— Ничего.

— Я тоже.

Я сложила мокрый лист, чтобы человек, чей это был счёт, потом мог разобрать, сколько должен. Варька смотрела на меня с таким недоверием, с каким обычно смотрела, если я обещала немедленно вернуться домой и вставала разговаривать с третьим встречным.

— Одного раза и вправду мало, — сказала я.

Варька села на сухой верхний край и написала новое слово мелом рядом с прежним. Под «оглоблей» поставила точку, под «столом» ничего. Показала, что место для отметки оставила нарочно.

Мне казалось, она расстроилась из-за того, что второй опыт не вышел. Оказалось, боялась другого: если голос не

ответил при всех, взрослые могут считать, будто и в первый раз ей только почудилось. Я попросила лист назад и написала с краю, пока мы оба точно помнили, как стояли. Ян отметил, где стоял и какую часть слова расслышал. Бумага была мокрая, и я вывела последние две буквы над строкой. Варька завернула её в платок и убрала вместе с первым листом.

На обратном пути Ефим задержал меня за рукав.

— Замечала, на кромке осенью сильнее слышно было, когда настил тёплый?

— Я тогда на нём каждый день стояла. Мне казалось, по настроению.

— Настроение тоже бывает. А лёд всё время один, пока его не унесёт.

Под передней скобой, по которой я могла бы раньше перейти сухой ногой, с утра открылась вода. В ней крутилась сосновая щепка. Варька стояла рядом со мной, не говорила. В её рукаве шелестел сложенный лист.

У дома Ян снял с забора мокрый половик и не вошёл, пока я его не позвала.

— Вы ведь теперь слышали сами, — сказала я.

— Слышал дерево и одно слово.

— Вам всё ещё довольно одного слова?

Он развернул половик, повесил на крыльцо другим концом.

— Для дознания мало. Для того, чтобы с вами ещё раз туда пойти, хватит.

Я взяла его за мокрую руку. Надо было вытереть ему пальцы, прежде чем он схватится за холодную задвижку. Вместо этого я сама подалась вперёд и прижалась лбом к его плечу. Он стоял долго, никуда не торопя меня. Потом спросил, где взять тряпку для половика, и я повела его в дом.

Глава 7. Нижегородская кухня

Из всей прежней жизни я труднее всего рассказывала Яну про кухню.

Ему можно было объяснить, как телефон передаёт чужой голос, почему вода приходит по трубе и зачем я ставила две кружки одну в другую, когда уходила с работы. Оставалось непонятным то, что я делала вечером, когда возвращалась. На вопрос «кто ждал?» ответ был короткий. Оттого и произнести его было труднее.

— Никто. Входную дверь с лестницы заедало, я заносила сумку боком и ругалась. Иногда у меня до полуночи гудел холодильник. Вот и вся кухня.

Ян вытащил из печи лист с хлебом и дал ему отойти, прежде чем спросить дальше.

— Чего вам здесь оттуда больше всего не хватает?

— Воды. Налить из крана целую кастрюлю и не считать, кого пошлют за второй.

Я много месяцев думала, что, если меня об этом спросят, назову что-нибудь другое. Улица в первый снег. Свет в окнах, когда идёшь по мосту. Вышло обыкновенное ведро, и, как только я это сказала, мне так захотелось домой, что пришлось отойти к окну.

Варька пришла с дощечкой. Она принесла счёт, по которому мы отмечали открывшиеся доски. По крайней правой

на рассвете бил кусок льда. К обеду Ефим выудил его багром. Девочка поставила ещё один чёрный штрих и положила мел передо мной.

— Спросить Ирму про мою кухню? — догадалась я.

Варька села, накрутив угол фартука на палец. Я в детстве делала так же, когда собиралась что-нибудь попросить по второму разу. Первый раз она, видно, уже спрашивала без меня.

Мы придумали два вопроса. Про чугунок, который я на здешней кухне брала каждый день, я согласилась ответить сама, но только после Ирмы. Про свою кухню решила спросить, какого цвета была чашка у окна. Ян при этих словах посмотрел на меня. Он знал, что никакой чашки у окна я ему не описывала. Всё же пришлось попросить его не подсказывать, если я посмотрю не туда.

На пароме мы не слышали ничего, пока поодаль выгружали воду из лодки. Люди зачерпывали её черепками. От каждого выплеска доски отзывались, как крыша под дождём. Когда лодку перевернули, стало тихо. На правой доске Варька поставила ногу туда, где раньше требовалось приложить ладонь.

— Чугунок, — сказала она.

Она могла бы потратить полдня, подбирая целый вопрос. Теперь с усилием выговорила ещё:

— Под ним что?

Сначала послышался обычный треск. Потом короткий от-

вет:

— Тряпка.

Под чугунком у нас лежала тряпка. Я раздобыла её зимой, когда расколола кромку подставки. Если бы Ирма знала только прежнюю кухню, ответа у неё не было бы. Но Варька могла видеть тряпку, и я точно знала о ней. Пока мы обе были на настиле, ничего доказать было нельзя.

Ян немного отошёл. У склада Акулина слышала голос, хотя никакого опыта мы там не ставили. Теперь он захотел занять то же место. Мы с Варькой молча отсчитали до двадцати. С берега мне было видно, как Ян поднял ладонь: готов. С того места не было видно нашего края настила, только верхнюю скобу и половину сходни.

— Что я оставила на окне? — спросила я сначала.

Варька потянула меня за край рукава. Я поняла, что в своём вопросе уже перепутала два окна. Здесь на подоконнике лежала иголка; там, дома, стояла чашка. До этого разговора я могла говорить «дома» и ни разу не уточнять, где.

— Я про мою прежнюю кухню. Чашка какого цвета?

Варька отпустила мой рукав. От склада Ян подал второй знак: первый вопрос он расслышал, второй — нет. Он вернулся к Ефимову клину и остановился. Мы не знали, может ли Ирма ответить позже, когда её об этом уже перестали просить. Я повторять вопрос не стала.

Из-под доски поднялся тонкий, хорошо различимый звук; так иногда слышно дыхание из соседней комнаты, которую

считаешь пустой.

— Синяя, — сказала Ирма.

У моей чашки была синяя ручка. Сама чашка белая, с выщербленным ободом. Я вспомнила её, пока рассказывала Яну про кухню. Вслух не называла.

Ян стоял в трёх шагах, у Ефимова клина. Слово он разобрал. Чашку, о которой спрашивали, никто из них не видел.

— Была такая? — спросил он.

— Почти.

Я хотела спросить у Ирмы, где она стояла, когда её видела. Рот уже открылся, но Варька положила дощечку на настил. На ней было написано: «ТЕБЕ ТАМ ТЕПЛО?»

Она уже спрашивала такое меня саму. Тогда мы сидели у раскрытого сундука. Я обратила внимание, что Ирмин передник лежит в другом месте. Варька долго объясняла мне, что в сундуке сыреют углы, а она просто переставляет вещи. Когда наконец решилась написать свой вопрос, я сказала, что её мама больше не мёрзнет, и предложила найти тряпку, чтобы протереть углы. После этого Варька не дала мне сундук протирать.

Девочка оставила дощечку на дереве и потёрла ладонью рукав, как делала, если хотела проверить, просохла ли подкладка. Я представила, как она сперва пробовала написать Ирме длинный вопрос, потом меняла его, пока наконец не уместила самое нужное. Сначала взрослые целую зиму объясняли ей, кого больше нет; теперь заставляли спрашивать о

том, чего один взрослый про другого знать не может. Зачем ей говорить с Ирмой о нашей кухне, я бы и сама не смогла объяснить.

Я отступила. Настил качнулся совсем немного. Ян дал мне пройти, а Варька постояла, помедлила, потом кивнула, чтобы я осталась поблизости. Под правой доской тихо журчала вода.

— Здесь, — сказал голос.

Варька подождала. Потом забрала дощечку, села на верхнюю ступень и несколько раз обвела последнее слово. Я спросила, как она его поняла.

Она написала: «ЗДЕСЬ. НЕ СПРАШИВАЛА ГДЕ».

Забрала дощечку домой, и на этот раз я не попросила её рассказать мне больше.

Глава 8. Верхняя Сторожка

Поутру с левого берега принесли письмо в пустой тыкве. Тыква была пробита возле хвостика. Из неё торчал стебель крапивы, чтобы посланец мог выловить её багром с нашей стороны. Посланца звали Савка. Он стоял на камне ниже старой изгороди и так ругался, что я по этой ругани отыскала, где у тыквы дырка, прежде чем подошла вплотную.

— Можете распечатать, — сказал он. — А меня сначала из воды бы.

Ян привёл его под крышу, Ефим возился с лодкой. Тыкву мы разбили над лавкой. Из неё выпала лоскутина, на лоскутине едва проступали угольные черты: низовой путь к Верхней Сторожке размыло. За речкой остались пять дворов, амбар и старая смотрительница. Последними туда прошли двое ребят за лошадью. Их отнесло домой по верхней тропе, лошадь у них забрали, чтобы больше не гоняли возле течения.

— Есть питьевая вода? — спросила я.

Савка выжал рукав.

— До дождевого бочонка вода ещё не дошла. Если будете передавать, пришлите не воду. У Моисея внук руку разодрал, бинтов нет. И старуха хочет знать, сколько ждать. Она людей в свой дом не пускает, считает, что через час вернутся.

Лука пришёл с книгой перевозок. Я разложила перед ним записку и попросила не писать в ней фамилию смотритель-

ницы; пока не знали, где пустят лодки, нельзя было позволить человеку в Верхней Сторожке думать, что от него ждут первого пропуска.

Мы ещё спорили, какой груз везти, когда с правого берега за соломой пришла Акулина, а с нею четверо возчиков. Они увидели мешки для Сторожки под сухим навесом.

— Опять правый берег полощет соль, а левому добро увозим, — сказала Акулина. — По две лодки у наших дворов уже неделю никто не видел.

— В Сторожке отрезало пять дворов, — сказал ей Бурый. — Кто на вашем берегу отрезан?

Акулина шагнула к нему так близко, что он вынужден был оглянуться, есть ли за спиной лавка.

— Моя родная сестра через эту воду живёт. Я в курсе, сколько их. А вон там, — она ткнула в крышу позади себя, — есть люди, которые груза не получат, если вы припасами разбрасываться станете.

Она не мешала нам вывозить. Она требовала знать, что останется. Мне сразу стало легче спорить, хотя вопрос не стал проще.

Всё, что заготовили для обоза, заносили в две стопки. В первую — личное, с указанным хозяином. Во вторую — дорожные припасы, которые собирались растратить при первом же случае, если авария унесёт впустую полдня. У Пашки-столяра оказалась половина куля настоящей сухой крупы. Он не хотел отпускать её без расписки. Мы пересыпали кру-

пу при нём, дали расписку и взяли ровно половину.

— Не перепутаете, кто потом вернёт?

— Я буду у подгорского конца дороги, — сказала я. — Если будут возвращать с другого берега, отнесу вам сама.

Услышав это, Савка закашлялся. Вчера до него дошло, что по весне право на пристань должны пересмотреть. Дорожный журнал лежал на виду. В графе с именем хозяйки ещё стояло имя Ирмы, и я держала карандаш прямо над ним. Я внесла в соседнюю графу, какую крупу приняли и кому выдали. Моё обещание войти в дом Пашки не нуждалось в доказательстве, кому принадлежит причал.

Прежде чем спускать лодки, надо было узнать, у каких дворов остался подход к воде. Парень с низовой улицы сказал, что сам ходил у омутной ветлы сразу после зимы и покажет. Пока мы натаскивали к берегу припасы, Савка пытался вспомнить, какой ногой ступал там сегодня. Эти двое в итоге назвали один и тот же куст, но один — со стороны реки, а другой — со стороны тропы. Из-за восьми шагов между ними мы успели бы опрокинуться вместе с грузом.

Постояли над картой и поняли, что карту рисовали для зимы. Две прекрасные дороги на ней уже не существовали. Савка предложил перечислить дома вслух, а кто жил с того берега, должен был ответить, куда от него ближе спуститься, если мостки сорвало. Дошли до старого кузнечного двора. У Акулины там жила сестра, и она показала отметку выше воды, но вдруг оборвала себя и спросила, где мы собираемся

забрать ребёнка мельника.

— Из пятого двора, — ответила я.

— Он там, когда отец дома. Сегодня отец у них зерно разгружал, мальчик к сестре должен был идти.

Савка кивнул. Он говорил про руку, но имени не назвал. Записку ему диктовали на бегу. Точно он видел одного мальчика, а сколько детей сидело возле бочки, не сосчитал.

Что делать с этим новым знанием, мы решали дольше, чем грузили перевязь. Хотелось отправить лодку в последний известный двор и сначала спасать тех, кого можно пересчитать. Акулина настояла, чтобы обе лодки начали с дома её сестры, где раненый мог оказаться уже сейчас. Потом сама убрала из груза два своих мешка, освобождая место, и попросила послать на тот берег того, кто назовёт сестру по имени.

Бурый вызвал лекарского помощника. Тот застегнул чужой тулуп не на той дырке и полез было чинить. Когда мне пришлось подержать на нём ворот, я увидела, что рука у него ходит ходуном. Спросила, где он учился перевязывать. Думала, станет объяснять про мастерство. Он сказал, что у матери рука каждую зиму трескалась до крови. Мать была пекаркой и к этой зиме уже сама могла накладывать повязку. Он хотел передать ей, что вернётся, если кто-нибудь пойдёт к пекарне. Я пообещала передать сама.

К вечеру подняли лодочный ход. Первая лодка ушла с двумя взрослыми и лекарскими припасами; во второй сидел один гребец, на случай, если с той стороны удастся взять ра-

неного. Ян остался со мной у камня. Мы знали, кто плыл к Верхней Сторожке, видели, как обе лодки скрылись меж затопленных кустов, и потом долго слышали только воду.

Когда в темноте вспыхнул огонь, я решила, что это знак пристали. Огонь не погас и не качнулся. К нему прибавился второй, выше первого. Ян стиснул мою руку.

— Сухой амбар подожгли, — сказал он. — Чтобы с воды увидели, где люди.

В письме было пять дворов и один амбар. Оказывается, прежде чем послать ложку, крупу и бинты, надо было спросить, на чём держится вся их надежда. Спалить последнее сухое строение — тяжёлое решение. Я смотрела на огонь и дожидалась, когда услышу, чьё оно было.

Глава 9. Сухое место

Пополуночи первая лодка вернулась. В ней сидели смотрительница, трое детей и наш лекарский человек, который до этого ни разу не выезжал из Подгорья дальше Глафириного огорода. Он успел обвязать одеялом ноги маленькой девочки. Она плакала потому, что у неё в доме остался свой горшок, а одеяло подобрали чужое.

— Где вторая? — спросила я.

Смотрительница вытянула руку. По этой руке с тихим шипением текла вода: вымазалась в горячей саже, а в лодке её облили.

— Под ветлой оставили, — сказала она. — Пока нас не нашли, лодка у берега волной о корень билась. Пробило. Люди подоспели, её подтянули. До света чинят.

Я отворила дверь ночлежного сарая. Смотрительница сперва посадила детей на лавку, сама проверила, не подтекает ли крыша. Потом спросила, какие дворы мы отмечали. Лука дал ей список. Она ткнула пальцем в строку с амбаром.

— Амбар мой. Правь.

— Числится за слободой.

— За слободой зерно. Стены я сыну велела поставить. Его уже шесть лет нет. Кому теперь расписку дадите?

Лука растерялся. Пожалуй, это было первое живое лицо за ночь, которое я на нём увидела. Он сложил лист пополам

и предложил утром переписать отдельно имущество и зерно, оставшееся в подполе. Смотрительница согласилась, сняла с девочки мокрые носки и спросила, где у нас дают сухие.

На крыльце Ян подал мне тёплую воду. Я взяла кружку обеими руками; не помнила, когда успела так продрогнуть. Он сидел ниже, на ступени, и не загораживал проход.

— Пекарке про сына сказали? — спросил он.

Я поставила кружку. Совсем забыла. Пока первую лодку ждали, мне казалось, что пройти в пекарню с известием «когда вернётся, не знаю» — всё равно что сказать ей, как далеко до утра. Теперь сын уже спал бы, если бы его не держали возле детей на случай новой крови. А мать могла до сих пор топить печь в ожидании.

Ян принёс фонарь. До пекарни мы шли по одной сухой полосе, оставшейся у верхних дворов. Из окна пекарни падал свет. Пекарка сидела на корточках и чинила у двери квашню; один раз повернулась, видимо, решила, что к ней пришёл кто-то покупать. Потом увидела Яна и поднесла руку к мокрому краю передника.

— Вернулся, — сказала я. — Цел.

Она упёрлась лбом в косяк, отдышалась. Спросила, можно ли пойти забрать его с собой. Я бы сказала, что можно, я за них обоих достаточно наволновалась. Ян, стоявший ступенью ниже, тихо сказал:

— Пойдёмте спросим его.

Сын нашёлся в сарае, рядом со смотрительницей, которая

как раз учила его, как выжать рукавицы, если в них застрял талый снег. Увидев мать, он опёрся на стену и как будто сделался гораздо моложе, чем на пристани. Они поговорили при нас минуту. Потом он продел руку в материн рукав и отвёл её к детям. Первый тюфяк был занят, второго не было. Пекарка послала меня за своим одеялом, показала сухую дорогу и сказала, что останется до утра. Я сходила, и, когда вернулась к Яну, на ступени меня всё ещё ждала кружка.

Из всего, за что мне было неловко этой ночью, о кружке вспомнила первой. Он мог бы её унести и не ждать, пока я перестану распоряжаться чужой семьёй. Вместо этого разулся, вылил из сапог воду и сказал, сколько нужно подложить тряпок, чтобы мы ходили по его следу насухо.

— Если вторую лодку не поднимут, чем идти утром? — спросил он.

— У Акулины есть плоскодонка.

— Она уже везёт людей с низовых дворов. На неё очередь.

— Тогда паром.

Слово сорвалось легко. Я хотела подняться, послать за Ефимом и уже прикидывала, как сместить канат к верхней свае. Ян придержал мою кружку, пока я ставила её на ступень.

— Если Ефим скажет, что можно, — ответил он.

Можно было подумать, что именно это я и имела в виду. Я не стала поправлять его. Когда человек ждёт от тебя разумного решения, врать ему особенно легко, если он сам назвал

разумную часть раньше тебя.

Утром мы с Ефимом спустились на берег. Весенней воде уже хватало места между льдинами, чтобы идти прямо. Старик подвинул носком обломок порога. Обломок скользнул в щель и пропал. Мы ещё долго смотрели на пустую щель. Через неё вчера унесло целую ступень, до сих пор не нашли.

— Паром можно пустить? — спросила я.

— Льда у ворота меньше. А дерево, что под ним, вы видели?

Он подал мне длинную палку. Я обошла верхнюю сваю и ткнула устье струи. Палка встретила что-то мягкое. Старик отобрал её и вытащил остаток соломенной изгороди. Вместе с соломой показалась доска, красная снизу. Низовую ступень мы искали совсем не там. Её подбило под днище, и до следующей ночи она могла там оставаться. Без этой доски мы бы не знали, что паром ещё на чём-то сидит.

Ефим позвал двоих. Мы отступили и смотрели, как они вытаскивают доску, стараясь не задеть железо у старого ворота. Когда её наконец вынули, паром приподнялся. Всю неделю я вела себя так, словно нужно дождаться одного толчка воды. Оказалось, для толчка уже хватало и слабого течения.

Ефим приложил ладонь к свае и снял её.

— К вечеру на верхнюю выведем, если канат выдержит. Принимать кто будет?

Назвать Бурого было легко. С той стороны у нас пока был

только один человек с лодкой, и тот держал лекаря за пояс, чтобы очередная волна не унесла раненого вместе с лекарством.

— Пошлю за Савкой.

— Я про хозяйку. На другом конце хозяйку кто примет?

Мы не успели обсудить, что он имел в виду. Варька пришла босиком по мокрой траве. Сапоги у неё были в руках. Она обошла нас, поставила их на конец доски и твердила одно слово, от усилия глотая середину:

— Посиди.

Я шагнула к ней. Старик придержал меня за ворот.

— Погодь.

На воде покачнулся паром. Доски были совсем пусты: Варька стояла на берегу. С открытого края до нас дошёл голос:

— Подожди меня.

Ефим отвёл руку от моего ворота. Он посмотрел на Варьку с таким испугом, с каким потом смотрели бы на нас люди, если бы мы объявили, что утонувшая вернётся к обеду. Девочка поставила сапоги ближе к сухой траве и села. Ни на кого из нас она не оглянулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.